

Вольфганг Хойер
(Берлин, Германия)

Чудо действия — но кто именно действует? Размышление о значении личности

Рассматривается вопрос о том, возможна ли свобода поступка, свободное действие не только в условиях тоталитаризма, но и в современном неолиберальном государстве Запада. Проблема здесь, по мнению автора, заключается в том, что мало кто в современном демократическом государстве готов активно действовать, совершать поступки: большинство граждан не видит в этом необходимости и полагает, что демократическое государство и так достаточно эффективно. На примере жизни и творчества Арендт демонстрируется, что вопреки мнению, распространенному в академической среде и в обществе в целом, теории не пишутся в кабинетах, а требуют активного действия.

The article deals with the question of whether the freedom of action, free action is possible, not only in terms of totalitarianism, but in today's neo-liberal states of the West. According to the author the problem here lies in the fact that few people in the modern democratic states are ready to be active, to do things: the majority of citizens do not see the need for that and believe that a democratic state is functional enough. On the example of the life and work of Arendt the author demonstrates that, contrary to the view that is common in academic circles and in society as a whole, the theory is not written in the offices, but requires active participation.

Ключевые слова: Ханна Арендт, действие, тоталитаризм, личность, индивидуум, способность суждения.

Key words: Hannah Arendt, action, totalitarianism, person, individual, capacity to judge.

© Хойер В., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

...das Wunder, das den Lauf der Welt und den Gang menschlicher Dinge immer wieder unterbricht und vor dem Verderben rettet.

Hannah Arendt

...Чудо, вновь и вновь прерывающее круговращение мира и ход человеческих вещей и спасающее их от гибели...

*Ханна Арендт*¹

1. Бездействие и дилемма действия в современном мире

У Ханны Арендт есть заманчивый тезис о том, что часто, когда вся политическая активность умирает, как это было во время господства тоталитаризма в Восточной Европе, совершенно неожиданно простые люди начинают действовать сами и сами дают начало чему-то новому, как, например, в Венгрии в 1956 году, где эти действия вылились в революцию. Хотя она и была подавлена, но все же показала, что активные действия и новые начинания возможны даже в самых тяжелых условиях. Это знание придало мужества «Пражской весне» 1968 года и наконец мирным революциям в Восточной Европе в 1989 году. Все эти акты — начинания чего-то нового — базировались на знании того, что по ту сторону тотальности реального мира, «реального социализма», есть другой мир, который нельзя просто отождествлять с «реальным капитализмом». Этот новый мир заключался в открытой ориентации на будущее, в свободном решении субъектов действия, но также и в ориентации на сохранение и оживление того, что подавлялось или вытеснялось.

¹ *Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2002. S. 243 ; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер В.Б. Бибикина. СПб., 2000. С. 328.*

То, что означает продолжение существования подавленного и вытесненного, предполагает возможность альтернативы. Арендт описала в своей теоретической работе о Венгерской революции на примере, который она взяла из газетных сообщений.

Российский писатель Борис Пастернак, которого не убили, не вынудили эмигрировать, но на десятилетия заставили замолчать, в 1946 году был приглашен на публичные чтения в Москве, на которые «собралось невиданное количество народа, хотя его имя, после долгих лет молчания, было известно лишь как имя переводчика Шекспира и Гёте. Он читал свои стихотворения, и так случилось, что во время чтения одного старого стихотворения лист бумаги выпал у него из рук».

Далее Арендт цитирует газетную заметку:

Вдруг голос в зале начал повторять слова по памяти. Из разных концов зала к нему присоединились другие голоса. Декламация прерванного стиха закончилась хоровым чтением².

Подавленное и вытесненное все это время присутствовало в реальности.

Что ж, теперь уже не только тоталитаризм становится великим вызовом для вопроса, возможны ли вообще независимое мышление и действие — определенным образом этим вызовом становится сама нынешняя действительность. С концом эпохи биполярного мира и холодной войны происходят огромные преобразования, которые вращаются вокруг двух полюсов: неолиберализма и терроризма. Неолиберализм, с одной стороны, состоит в уменьшении роли государства, приватизации общественных задач, в увеличении общественной задолженности и в необузданной активности банков и финансовых учреждений³, а с другой — терроризм, под которым понима-

² *Arendt H.* Die Ungarische Revolution und der totalitäre Imperialismus // In der Gegenwart, Übungen im politischen Denken II. München, 2000. S. 98.

³ Ср.: *Streeck W.* Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus. Berlin, 2013.

ются асимметричные войны и их этнизация, взаимные объявления войны террористическими группами по отношению к целым народам или государствам и те же объявления войны со стороны государств по отношению к террористическим группам, а также бесконтрольная слежка государства и частных компаний за глобальными интернет-коммуникациями.

Мы стоим перед дилеммой, поскольку кажущийся вывод звучит так: альтернативы нет ни в вопросах международной финансовой сферы и преодоления кризисов, ни в вопросах безопасности. И в то же время утеряны критерии оценки того, какие действия и обоснования могут быть оправданы. Британский писатель индийского происхождения Салман Рушди спрашивает, кого в нынешнем мире можно считать мужественным политиком: Уго Чавеса и Фиделя Кастро, противников «империализма», или Саркози, который одобрил военную интервенцию в Ливии, чтобы поддержать повстанцев против Каддафи, губернатора пакистанской провинции Пенджаб, который два года назад заслонил собой христианку, приговоренную к смерти за богохульство, или его телохранителя, который убил своего начальника, был с восторгом встречен в суде и осыпан лепестками роз?⁴

Каждое действие, любой поступок, продолжающий традиции Венгрии 1956 года или Праги 1968 года, ввиду возможности поражения кажется не только рискованным, но и в высшей степени опасным. Американские разоблачители-*whistleblower*, выступающие за свободу информации, или активные пользователи сети «Твиттер» в арабских странах, приверженцы свободы вероисповедания, подвергаются преследованиям во всем мире. Общий девиз звучит так: не действовать, не рисковать, не подвергать себя опасности. Кроме того, кажется, что в правовом государстве, где все более-менее упорядочено, происхо-

⁴ *Rushdie S.* Wir müssen unsere Stimme erheben // Frankfurter Allgemeine. 2013. 2 Mai.

дит как бы само собой, конституция регулирует основополагающие вещи, а демократические учреждения и институты заботятся о том, чтобы право побеждало, а справедливость торжествовала. Во время европейского кризиса большинство политиков приводят аргумент Маргарет Тэтчер: *There is no alternative* («Альтернативы нет»), на что оппозиция умолкает, а кризис продолжается. К тому же среди политиков распространена позиция, что ни политике, ни опыту действия невозможно научить как в школе. Совершенно иначе думал Макиавелли, который сравнивал собственный опыт с политическим опытом времен античного Рима, собранным воедино в трудах античного же историка Тита Ливия, чтобы обнаружить что-то общее, сделать из этого поучительные выводы. Соответственно, в академической среде и среди общественности главенствует мнение, что теории рождаются за письменным столом, они являются результатом тяжелой умственной работы специалистов и исследовательских групп, которые трудятся в университетах и так называемых *Think Tanks* (мозговых центрах).

Но жизнь и творчество Ханны Арендт свидетельствуют об обратном. Весь свод трудов Арендт исходит из ее собственного опыта как еврейки, беженки, политической мыслительницы и человека действия. В то же время она в своих работах учитывает мнения людей на разных отрезках времени и в тех обстоятельствах, которые она исследует. Так, незадолго до своей эмиграции из Германии она начала работу о проблемах ассимиляции на примере еврейки Рахель Фарнхаген — работа была представлена в форме текста, который Фарнхаген «сама... могла бы рассказать...Изложение с максимально возможной точностью [следовало] за размышлениями самой Рахели»⁵ и исключало любые толкования. В своей книге о тоталитаризме она описывает первую встречу европейских колонизаторов с

⁵ *Arendt H. Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik. München, 1981. S. 10.f.*

африканскими аборигенами на основе романа «Сердце тьмы» Джозефа Конрада, чтобы отразить их глубочайшее отчуждение и расизм. Так и рассказ о выступлении Пастернака, как мы увидели, занимает ключевую позицию в анализе политических феноменов.

Что примечательно, в политико-научном семинаре под названием «Политический опыт в XX веке» Арендт использовала исключительно литературу и автобиографические источники, чтобы передать студентам временной контекст и поупражнять их способность суждения посредством тренировки широкого образа мысли. То есть она не обсуждала значение широкого образа мысли у Канта, а практиковала его. Если она и говорила о теории, то в смысле понимания, а не в смысле науки⁶.

В заметках к этому семинару, который Арендт проводила трижды, она отмечала различие между авторами и комментаторами. Если она говорила о политической теории, как, например, во время семинара «История политической теории» в Беркли в 1955 году, то это происходило на фоне принципиального различия между ролями, которые играют авторы и комментаторы. У таких классиков Нового времени, как Гоббс, Локк или Монтескьё, ее не интересовало, что они были теоре-

⁶ В записках к семинару 1965 года Арендт под конец спрашивает: «Что общего у [темы способности воображения] и политической теории? Различие между теорией и мыслью: осмысление любого события, о котором вообще можно вспомнить. Пересказывание истории — это подходящий способ поразмышлять думать о ней. Из этого и возникает теория. Теория, которая создаётся здесь и сейчас, находится, как и любая современность, между прошлым и будущим — то есть между воспоминанием и ожиданием. У Кафки есть притча: две силы, воздействующие на человека так, что он и думает, и действует. Это не теория, но это совершенно точное определение места теоретика» (“Political Experiences in the Twentieth Century”. Cornell, 1965, неопубликованное наследие, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 023762).

тиками — но это были мыслители. По Арндт, опыт и слова предшествуют идее, а не наоборот. Ее же интересовало, какой это опыт и какие слова. По этой причине она скептически относилась к сфере политической теории. Политическая теория, по ее мысли, движется между опытом истории и понятиями философии и уже стала неким местом встречи («своего рода локацией для встреч»⁷) разочарованных философов либо разочарованных государственных мужей. Авторы — это те, кто в буквальном смысле слова обогащают мир своими работами и живут в том же мире, что и мы, а именно в «реальном мире», в то время как комментаторы живут в мире книг:

Авторы есть *auctores* / творцы / акторы, что означает — они обогащают мир. Мы живем в мире, который обогащается за счет авторов. Мы не можем от них отказаться, они принадлежат нашему миру, причем совершенно иным способом, нежели комментаторы⁸.

Мир, по Арндт, «в котором живет комментатор, это мир книг; мир, в котором живет автор, тот же самый, в котором находимся и мы, мир действительный, реальный»⁹.

Это отличие четко прослеживается на примере такой личности, как Макиавелли. «Макиавелли был, если можно так сказать, заинтересован в Италии, а не в политической теории, даже своей собственной. Только комментатор интересуется политической теорией *per se*, в чистом виде»¹⁰.

Хотя автор, политический писатель, любит мир, а комментатор — лишь политическую теорию, мы не можем отказаться и от комментатора, поясняет Арндт,

⁷ „A kind of meeting ground“. History of Political Thought. Berkeley, 1955, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 23943.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

ведь надобно знать, что мы вместе с ним находимся в мире, который, строго говоря, уже не является миром автора, но в то время, когда мы напрямую читаем работу автора, мы находимся в том же самом мире, только заходим в него с другого угла¹¹.

Подведем итоги под всем вышесказанным. Мы живем в мире мнимой безальтернативности, всегда есть возможность действовать, которая открывает неожиданное и новое, и для этого мы должны обращаться не к комментаторам и футурологам, а к авторам и к миру опыта — и тогда возникает вопрос акторов, то есть действующих лиц. И вот тут мы находим в работах Ханны Арендт описания этих действующих лиц, которые, как и авторы, — уникальные и неповторимые личности, и не являются тем, что сегодня называют индивидуумами. Индивидуумы, которые в буквальном смысле слова представляют собой мельчайшие неделимые единицы, в то время как личности в буквальном смысле играют свою роль в межличностных событиях. Далее я хотел бы подробнее рассмотреть два аспекта:

1. Что характеризует «личность» в отличие от «индивидуума»?
2. Что означает принять точку зрения и вынести суждение?

2. Какую роль играет «личность» в отличие от «индивидуума»?

Особым отличительным признаком личности является ее зримость и неповторимость, она не растворяется в массе, как это происходит с индивидуумом. Зримой она становится посредством ее межличностного, но и самостоятельного действия. Она действует как в общих интересах вместе с другими,

¹¹ „A kind of meeting ground“. History of Political Thought. Berkeley. Лист 023944.

так и вопреки интересам других людей, она действует совместно и в то же время в одиночку. В посмертно изданном тексте лекции «О зле» Арендт описывает значение личностного бытия как предпосылки для противостояния злу. При этом «бытие личностью» отличается от «бытия-лишь-человеком»¹². И если следовать ее тезису о внутреннем диалоге, о разговоре с самим с собой, то

мы можем сказать, что в ходе этого мыслительного процесса, во время которого я актуализирую это специфическое отличие человека, язык, четко определяю себя как личность и остаюсь единицей в массе, поскольку постоянно сохраняю способность к подобному самоопределению. Если это и есть то, что мы обычно называем личностью — и это никак не связано ни с одаренностью, ни с образованностью — то это просто почти автоматический результат задумчивости. Иными словами, если дается прощение, то этим прощается не преступление, а личность; когда у зла нет корней, то нет и личности, которой можно было бы простить¹³.

Этот внутренний диалог не зависит от морального содержания, но даже тот простой факт, что человек, которого поначалу характеризует только «бытие-лишь-человеком», ведет этот внутренний диалог с тем, чтобы достичь согласия с самим собой, уже имеет моральное измерение. Поэтому было бы «практически излишним говорить о моральной личности»¹⁴. И тут Арендт добавляет в высшей степени интересный аспект. Бездумность означает, следовательно, не только потерю морали и раскрытие ворот перед варварством, но и утрату художественного качества.

¹² *Arendt H. Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. München, 2006. S. 77f.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid. S. 77.*

Для Арендт искусство играет столь же важную роль, как и действие:

поскольку мышление является деятельностью, оно может быть перенесено на продукты деятельности, на такие объекты, как стихотворения, музыкальные произведения или картины. Все подобные вещи фактически служат объектами умственной деятельности, как и мебель и предметы каждодневного обихода по праву могут быть названы предметами потребления. В ситуации с высококультурными убийцами ни один из них не написал стихотворения, которое было бы достойно того, чтобы о нем вспомнили, не сочинил ни единого более-менее приличного музыкального произведения и не создал ни одной картины, которую кому-нибудь хотелось бы повесить на стену. Для того чтобы сочинить хороший стих или музыкальную пьесу, написать хорошую картину, требуется больше, чем одна только задумчивость — тут нужен особый талант. Но ни один талант не выдерживает потери целостности — той целостности, которую вы теряете, если вы потеряли эту общую способность к мышлению и воспоминанию¹⁵.

Данное определение личности касается в равной степени всех людей, будь то рабочий, профессор или политик. То, что и мораль, и художественные качества в равной степени базируются на независимом мышлении и, как рассуждает Арендт в другом месте, на независимом суждении, проявляется и в нашей повседневной речи, когда мы говорим о «красивом» или «безобразном» жесте или, напротив, о «внутренней красоте» целостного человека. При этом, по Канту, дело в гармонии познавательных способностей как с точки зрения внутренних пропорций, так и в отношении свободного сосуществования познавательных возможностей и их взаимного оживления¹⁶.

¹⁵ *Arendt H.* Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. S. 79 и далее.

¹⁶ Cp. *Arnold M.* Die harmonische Stimmung aufgeklärter Bürger. Zum Verhältnis von Politik und Ästhetik in Immanuel Kants “Kritik der Urteils kraft” // *Kant-Studien*. 2003. Bd. 94. S. 24—50.

Это гармония, которая устанавливается между формой и содержанием, а также между способностью воображения и рассудком, хотя при этом речь не идет о рациональном когнитивном суждении¹⁷.

Прежде чем Арендт занялась темой эстетической способности суждения у Канта, она указала на труднообъяснимое «понимающее сердце», о котором говорит царь Соломон в Библии. Оно включает и чувство, и рассудок в равной степени. Только «понимающее сердце» (а не одно лишь размышление или чувство) (делает) для нас выносимой... жизнь с другими, чужими людьми в одном мире, и (позволяет) ... вынести это¹⁸.

То, что эта близость между этикой и эстетикой и взаимодействие между чувством и рассудком лишь очень приблизительно поддаются определению, есть цена свободы и возможностей действия для личности.

Если мы последуем за Ханной Арендт в этих умозаключениях, то обнаружим традицию мысли, к которой имеет смысл присоединиться. Она восходит к дискуссиям XVIII века о понятии вкуса как способности суждения в секуляризованном, светском обществе, все более ориентированном на свободу. Там мы найдем, к примеру, высказывание Мельхиора Гримма, более или менее забытого немецкого деятеля эпохи Просвещения, эссеиста и дипломата XVIII века. Он писал: «Предпосылкой к развитию и совершенному вкусу являются острый ум, восприимчивая душа и праведное сердце». Далее он развивал свою мысль:

Когда добродетель и красота не вызывают у нас мягкого возбуждения, которое составляет чистоту и счастье благородного и восприимчивого сердца, как бы мы могли тогда иметь вкус, который только лишь через это чувство и способен к суждению? Отсюда следует, что мудрейшие люди имеют наибольший вкус¹⁹.

¹⁷ Ibid. S. 32.

¹⁸ *Arendt H. Verstehen und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft, Übungen im politischen Denken I. München, 1994. S. 126.*

¹⁹ *Grimm M. Paris zündet die Lichter an. Literarische Korrespondenz. Leipzig, 1977. S. 121.*

При этом вкус явно означает не только эстетическое, но и моральное суждение. В этой трилогии равно незаменимыми стали все три элемента в условиях взаимодействия. Разум сам по себе, без сердца и души, может стать бесчеловечным, восприимчивая душа от пушего сострадания — аполитичной, а праведное сердце без разума — потерять ориентиры. Однако уже при Канте время исследования условий независимого суждения подходило к концу; в XIX и XX веках на смену способности суждения пришли логические выводы, идеологии и системные теории.

Но есть исключения. К традиции Просвещения, на которую ссылается Ханна Арендт, принадлежит также писатель и журналист Джордж Оруэлл. Весь его труд пронизан основополагающим предположением достойной повседневной жизни обычных людей как силы, противоположной потере ориентиров в век идеологии. «Это кажется банальностью, — писал он, однако его послание звучит весьма просто, — но если бы люди вели себя порядочно, мир был бы порядочным»²⁰. При этом он пытался сделать то, что он называл «всеобщей порядочностью», компасом для политики не только в приложении к отдельной личности, но и к общественно-политической жизни в целом. По Оруэллу, эта всеобщая порядочность зиждется на всеобщих, повседневно-практических моральных нормах и обычаях. В своей открытости и гибкости они отличается от явных и жестких моральных устоев «доброго человека». Оруэллу важно было не абстрактное человеческое достоинство как ценность, которую нужно защищать, а отношение в обществе, которое чувствует обязанность быть порядочным, обеспечивает и защищает это:

Порядочная жизнь нуждается в общественных правилах, которые и делают возможной эту порядочную жизнь; они состоят в уважении к другим, в предотвращении господства, унижения,

²⁰ *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. L., 1968. Vol. 1. P. 417.*

социального, экономического и культурного неравенства. Самые большие доходы должны быть не более чем в десять раз выше, чем самые маленькие. Все законы должны уважать порядочную жизнь, требовать ее соблюдения и включать всех граждан в “законодательную власть обычной жизни” (*pouvoir constituant des vie ordinaries*)²¹.

Это звучит в духе социализма, но Оруэлл был против социализма своего времени, который он считал олигархическим коллективизмом и который в Англии привлекал только маргиналов и интеллектуалов. «В нашей стране, — писал он, — либералы боятся свободы, а интеллектуалы готовы на любую гадость против мышления»²². Доказательством тому служит тот факт, что «прямые сознательные нападки на интеллектуальную порядочность исходят от самих интеллектуалов»²³.

Этот аспект порядочности указывает на то, что у Арендт является основой всех ее рассуждений о политике, политических действий и независимого суждения: в политическом обществе нашего времени нужно вернуться в центр и определить границы варварства, вплоть до самых тончайших.

²¹ *Bégout B. De la décence ordinaire. P., 2008. P. 88.*

²² *Ibid. P. 47.*

²³ *Ibid. P. 70.* В частности: “The thing that frightens me about the modern intelligentia is their inability to see that human society must be based in common decency, whatever the political and economic forms may be” (*Ibid. P. 531*). («Что меня пугает в современной интеллигенции, так это их неспособность увидеть, что человеческое общество должно базироваться на общей порядочности, какими бы ни были политические и экономические формы»). Роберт Коулз установил у Оруэлла примечательное равновесие между конкретикой и теорией: «He himself had a sensibility that loved negotiating those two polarities, the concrete and the theoretical, and one wonders that he never lost his balance» (*George Orwell’s Sensibility // Reflections on America, 1984. An Orwell Symposium / ed. by R. Mulvihill. Athens ; L., 1986. P. 52*) («Он сам обладал восприимчивым характером, любил преодолевать две этих полярных точки, конкретику и теорию, и удивительно, что он никогда не терял равновесия).

Как и Арендт и Оруэлл, Альбер Камю сделал «чувство меры и утрату чувства меры» главной темой своей книги «Бунтующий человек», которая стала серьезной провокацией для интеллектуалов марксистского толка после Второй мировой войны. Революционные заблуждения, поясняет он, не учитывали естественные человеческие границы, можно даже сказать, неприкосновенность человека; они предали истоки «мысли об ограничениях». Опыт революций Нового времени показывает, что «революция, не имеющая иных границ, кроме ее исторической действительности, означает безграничное рабство»²⁴. Задача бунта в том и состоит, чтобы в постоянном критическом анализе современных условий по-новому определять место меры и центра.

В этом и состоит актуальность этих трех авторов, Арендт, Оруэлл и Камю: рассматривая в своих сочинениях феномен тоталитаризма, они описывали условия порядочного, достойного общества, которому сегодня угрожают антиполитические эксцессы неолиберализма.

3. Что означает — принять точку зрения и вынести [с этой точки зрения] суждение?

Для Арендт тут есть три смысла: во-первых, необходимость того, что она обозначает как «быть в мире», во-вторых, понимание свободы как «свободы к чему-то», как интересующей, совместной свободы, которая неразрывно связана с ответственностью, и, в-третьих, образование сообщества по суждению, то есть отбор тех, с кем вместе хотелось бы действовать и судить и с которых хотелось бы брать пример.

Что касается первого аспекта, «быть в мире», то здесь речь идет о четкой смене перспективы в истории мысли Нового времени. Не с позиции субъективизма Нового времени, по которому индивидуум противопоставлен массе, не с позиции *Cogito ergo sum*, а с точки зрения «между», с позиции людей,

²⁴ Camus A. Der Mensch in der Revolte. Reinbek, 2006. S. 299.

действующих совместно друг с другом, Ханна Арендт видит мир и дает ему определение. Это место расположения действующих субъектов или зрителей, заинтересованных в этом действии. Тот, кто не имеет интереса к совместному миру, сам себя из него исключает. Именно из этого совместного мира Арендт дает определение тому, что объединяет людей. Это не разум, который мы так часто приводим как аргумент в пользу нашего отграничения от других живых существ, а способность воображения. В своем философском дневнике Арендт писала об этом:

Но поскольку не самосвязанный разум, а только способность воображения позволяет нам «мыслить с точки зрения любого другого», то это не разум, а способность воображения устанавливает взаимосвязь между людьми. Само-чувствованию, разуму, жизнь которого состоит в «я мыслю», противостоит миро-чувствование, которое живет другими — пассивно, как общее чувство, и активно, как способность воображения²⁵.

Из этой межличностной перспективы проистекает второй аспект, согласно которому свобода должна пониматься как «свобода к чему-либо», как интересубъектная, совместная свобода, которая неразрывно связана с ответственностью всех за то, что происходит в их политическом окружении. В случае с ответственностью речь идет не о моральной или юридической вине за собственные действия, а об ответе в буквальном смысле, о знании того, что общие, совместные действия решают, будем ли мы жить в порядочном обществе или нет. В эссе «Коллективная ответственность» Арендт пишет:

Заместительная ответственность за вещи, которых мы не делали, принятие на себя последствий вещей, в которых мы совершенно не виноваты, это цена, которую мы платим за то, что живем не наедине лишь с самими собой, а в кругу наших спут-

²⁵ *Arendt H. Denktagebuch, 1950—1973 / Hrsg. U. Ludz und I. Nordmann. München ; Zürich, 2002. S. 570.*

ников. Это цена за то, что способность к действию, которая в конце концов является политической способностью *par excellence*²⁶, может быть реализована только во многих разнообразных формах человеческой общности²⁷.

Место расположения в межличностных связях и в гуще политического сообщества означает, что суждение само по себе является интерсубъективным. И здесь мы снова натываемся на наследие просвещенного XVIII века, когда Арндт в эссе «Культура и политика» отмечает, что вкусу присуща организаторская сила удивительной мощи:

Мы же все знаем, что люди мало по чему еще так быстро распознают друг друга и так безусловно чувствуют себя сопричастными друг другу, как по схожим мнениям в вопросах того, что нравится, а что нет. Как будто вкус решает не только, как должен выглядеть мир, но и то, кто в этом мире должен быть вместе друг с другом²⁸.

Читатели Ханны Арндт постоянно воспринимали это высказывание как выражение элитарного, аристократического, а следственно, антидемократического поведения и отвергали его. Но при этом не замечали, что для Арндт важно было не только общее суждение, но и «осознание качества», «способность заметить очевидность красоты». Важно не то, что мы как-то более-менее сообщая можем выносить суждение; решающим является, КАК мы судим. С ростом качества и качественного осознания суждения увеличивается гуманность общества. В сфере политики это означало бы способность распознавать и судить качество политически разумного, а также благодаря качественному сознанию судящих вносить свою

²⁶ Par excellence (фр.) — по преимуществу, преимущественно. — Прим. пер.

²⁷ *Arendt H. Kollektive Verantwortung // Debatte. Bd. 4 : Politik und Moderne / Heinrich-Böll-Stiftung. Bremen, o. J. S. 15f.*

²⁸ *Arendt H. Kultur und Politik. S. 301.*

лепту в улучшение политически разумного. Итак, мы видим, что у Арендт этика и эстетика, политика и культура расположены очень тесно друг с другом:

Вкус как выносящая суждения деятельность соединяет культуру и политику, которые и без того сосуществуют в пространстве публичного, и выравнивает напряжение между ними, которое проистекает из внутреннего конфликта, в ходе которого постоянно сталкиваются друг с другом производящая деятельность и действие²⁹.

Итак, на действующих и выносящих суждения личностей возложена большая ответственность за гуманизацию нашего общества. Поэтому не случайно Арендт в портретах писателей, политиков и ученых, которые она писала по различным поводам и которые опубликовала в своей книге «Люди в темные времена», постоянно возвращалась к описанию личностных качеств. Так, она восхищалась критической способностью Лессинга:

Критика в лессинговском смысле — это такое отношение, которое всегда выступает в интересах мира, понимая его и оценивая с соответствующей позиции и таким образом никогда не может стать мировоззрением, которая остается независимой от прочего опыта в мире, потому что она направлена на возможную перспективу³⁰.

Что касается Розы Люксембург, то Арендт хвалила ее морально-культурную подоплеку, которая объяснялась происхождением из ассимилированных польских евреев, а они отличались выдающимся литературным вкусом, независимыми моральными понятиями и отсутствием социальных предрассудков³¹.

²⁹ *Arendt H.* Op. cit. S. 302.

³⁰ *Arendt H.* Waldemar Gurian // *Eadem.* Menschen in finsternen Zeiten. München, 1989. S. 22.

³¹ *Ibid.* S. 57 и далее.

В некрологе на смерть друга Вальдемара Гуриана, ректора американского университета Нотр-Дам, она похвалила его добродетели в очень личном политическом некрологе, что было совершенно нетипично для такого политологического журнала, как “The Review of Politics”.

В этом некрологе Ханна Арендт превозносила способность Гуриана дружить, причем дружба это была не задушевно близкая, а открытая, покоящаяся на совместной ответственности за нашу участь. Он пришел как чужак, указывала Арендт, но «в этом мире он построил себе жилище, а благодаря дружбе создал себе пристанище на земле»³².

Она хвалила его:

...верность друзьям, каждому, кого он когда-либо знал, весь настрой его жизни, так что возникает даже соблазн утверждать, что такое преступление, как забывчивость, было максимально далеко от него — преступление, которое в сфере человеческих взаимоотношений, пожалуй, является одним из самых тяжких³³.

Она превозносила его человечность, что означает нечто большее, чем простое дружелюбие, а также его доброту, которая открывает нам глаза на заблуждение,

в коем мы отождествляем себя с тем, что мы делаем и чем занимаемся. При этом мы часто забываем, что приоритетным правом каждого человека является то, что по сути и существу своему он представляет гораздо больше, чем все, что он может произвести и чего может достичь³⁴.

Гуриан был одним из немногих, кого знала Арендт, кто «сохранил полную независимость от бюргерского понимания достижения», потому был «образцом человека»³⁵.

³² *Arendt H.* Waldemar. S. 323.

³³ *Ibid.* S. 313.

³⁴ *Ibid.* S. 317.

³⁵ *Hannah Arendt / Kurt Blumenfeld.* “...in keinem Besitz verwurzelt”. Briefwechsel. Hamburg, 1995. S.52.

Наконец, Арендт хвалила гуриановскую независимую способность суждения,

его безошибочное чувство качества и значимости... В нечастых случаях, когда люди обладали этим чувством и все-таки принимали решение не разменивать его на легче распознаваемые и проще принимаемые ценности, он безошибочно шел дальше, перешагивая через условности и устоявшиеся общественные нормы, выступая навстречу опасности той жизни, которая более не защищена стенами объектов и контрфорсами объективных оценок³⁶.

Поэтому Гуриан был нонконформистом и одновременно реалистом. «Все существование его духа было построено на решении никогда не приспособливаться и никогда не убежать, другими словами, оно было основано на мужестве»³⁷.

Он радовался, когда ему удавалось разрушить барьеры так называемого цивилизованного общества, потому что он видел в них преграды, отделяющие человеческие души друг от друга. Невинность и мужество были источниками этой радости — невинность тем более чарующая, что она произрастала в мужчине, который невероятно хорошо знал этот мир и поэтому собирался со всем мужеством, к которому был способен, чтобы сохранить свою первоначальную невинность живой и неповрежденной. Он был очень мужественным человеком³⁸.

С такими людьми и нам хотелось бы дружить, населять наш мир и формировать нашу политику. Ханна Арендт не только вселяет в нас уверенность, что альтернатива есть всегда, она побуждает спорить о качестве этой альтернативы.

Пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова

Список литературы

1. *Arendt H. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб., 2000.
2. *A kind of meeting ground. History of Political Thought.* Berkeley, 1955, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 23943.

³⁶ *Arendt H. Waldemar Gurian. S. 318.*

³⁷ *Ibid. S. 321.*

³⁸ *Ibid. S. 319.*

3. *Arendt H.* Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik. München, 1981.
4. *Arendt H.* Verstehen und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft, Übungen im politischen Denken I. München, 1994.
5. *Arendt H.* Waldemar Gurian // Eadem. Menschen in finsternen Zeiten. München, 1989.
6. *Arendt H.* Denktagebuch, 1950—1973 / Hrsg. U. Ludz und I. Nordmann. München ; Zürich, 2002.
7. *Arendt H.* Die Ungarische Revolution und der totalitäre Imperialismus // In der Gegenwart, Übungen im politischen Denken II. München, 2000.
8. *Arendt H.* Kollektive Verantwortung // Debatte. Bd. 4 : Politik und Moderne / Heinrich-Böll-Stiftung. Bremen, o. J.
9. *Arendt H.* Kultur und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. a. a. O.
10. *Arendt H.* Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. München, 2006.
11. *Arendt H.* Vita activa oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2002.
12. *Arnold M.* Die harmonische Stimmung aufgeklärter Bürger. Zum Verhältnis von Politik und Ästhetik in Immanuel Kants “Kritik der Urteilskraft” // Kant-Studien. 2003. Bd. 94.
13. *Bégout B.* De la décence ordinaire. P., 2008.
14. *Camus A.* Der Mensch in der Revolte. Reinbek, 2006.
15. *George Orwell’s Sensibility* // Reflections on America, 1984. An Orwell Symposium / ed. by R. Mulvihill. Athens ; L., 1986.
16. *Grimm M.* Paris zündet die Lichter an. Literarische Korrespondenz. Leipzig, 1977.
17. *Hannah Arendt / Kurt Blumenfeld.* “...in keinem Besitz verwurzelt”. Briefwechsel. Hamburg, 1995.
18. *Political Experiences in the Twentieth Century.* Cornell, 1965, неопубликованное наследие, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 023762
19. *Rushdie S.* Wir müssen unsere Stimme erheben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. 2 Mai.
20. *Streck W.* Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus. Berlin, 2013.
21. *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell.* L., 1968.